

Б.Х. Бгажноков

КУЛЬТУРА ЭМПАТИИ*

*Подлинное сочувствие... в значительной
мере недооценено как революционный
фактор в развитии человека.*

Эрих Фромм

Будучи иным, наиболее тонким и точным обозначением сочувствия и соучастия, *эмпатия* является универсальным, определяющим свойством человечества и одной из базовых интегральных характеристик этносов.

Такое мнение, высказанное нами ранее в статье «Основания гуманистической этнологии»¹, обязывает полнее раскрыть суть эмпатического подхода, возможности его использования в методологии и методике этнологических исследований. Дело в том, что в последние десятилетия термин «эмпатия» (от греч. *empathia* – сопереживание, сочувствие) получил распространение во всех гуманитарных дисциплинах, в том числе и в этнологии. Однако многие свойства данного явления недостаточно изучены и осознаны. В частности, мало внимания уделяется исследованию исторически сложившихся норм и стандартов эмпатического мышления и поведения, изучению их роли в социальной организации общества. В такой плоскости вопрос даже не ставился, и потому ни в одной из наук о человеке не был замечен и выделен мощный пласт культуры, сформировавшийся под влиянием сопереживания. Мы называем его *культурой эмпатии*, подразумевая под этим систему выработанных человечеством ценностей, норм, институтов, ориентированных на этико-эстетическую рационализацию мира – на производство и воспроизводство сочувственного, понимающего, эстетически выдержанного сознания и поведения. *Гуманистической этнологией* следует признать такое направление в рамках данной научной дисциплины, которое специально в методологических целях рассматривает обозначенный слой культуры как основной, определяющий тенденцию социального и этнического развития человечества.

В этой плоскости лежит причина все возрастающей терминологической близости понятий *этнология* и *антропология*. Изучая народы, мы изучаем социокультурную организацию всего человечества, в которой эмпатия, занимает важное место как основа взаимного понимания, участия и солидарности. Культура эмпатии отдельных народов является интегрирующей силой планетарной культуры.

Такова в общих чертах гуманистическая концепция эмпатии, и она существенно отличается от инструменталистской, заданной еще в XIX в. герменевтикой – философским учением о теории и искусстве понимания. Согласно этому учению (основанному немецким философом Ф. Шлейермахером) для глубокого, максимального полного понимания письменных текстов необходимо проникнуть в духовное состояние создателей этих текстов, повторить в своем воображении первоначальный творческий акт. В конце XIX в. последователь Шлейермахера В. Дильтей предложил называть такую операцию вчувствованием, сопереживанием, эмпатией. Заново переживая мысли и чувства автора, подчеркивал Дильтей, можно наилучшим образом представить жизненный мир человека, постигнуть смысл его творений².

Трактовка эмпатии как инструмента познания была перенесена позднее, уже в XX в., в целый ряд специальных научных дисциплин. В психологии и психиатрии под влиянием К. Роджерса и ряда других выдающихся психологов сложился взгляд на

* Статья подготовлена при поддержке фонда Джона и Кэтрин Макартуров. Грант № 00-62775

эмпатию как на метод, помогающий исследователю (психотерапевту) вскрыть внутреннюю логику человеческих переживаний и состояний, причину разного рода психических расстройств³. Аналогичным образом, как «вспомогательный метод», близкий к *включенному наблюдению*, представляют эмпатию в этнологии. По словам С.В. Лурье, «метод эмпатии (даже если он так не назывался) был популярен в этнологии всегда»⁴.

Одновременно широкое распространение получила понимающая социология М. Вебера, она стала основой концепций конструирования социальной реальности, контакта и диалога культур. Необычайной популярностью пользуется написанная в этом русле в 1972 г. книга Р. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности»⁵. На почве понимающей социологии (в том числе и под влиянием данной книги) возникли концепции инструментализма и конструируемой этничности, дополняющие традиционную теорию первородной (примордиалистской) этничности. Сторонники конструктивизма представляют этничность как сложный творческий акт – систему осмысленных (целерациональных, сказал бы Вебер) действий, направленных на утверждение базовых, стабилизирующих свойств и параметров этноса: язык, эндо- и экзоэтнонимы, культура, самосознание, территория, национальная государственность и т.д. Это вполне отвечает веберовской традиции наполнения, которая воспринимает действительность определенным, в данном случае этнически значимым, содержанием. Конечной целью социологии Вебер считает даже не понимание, а достаточно последовательное и непротиворечивое объяснение, истолкование социальных явлений, стремясь тем самым устранить из своего метода психологические операции вчувствования, сопереживания, эмпатии, которые у Дильтея стояли на первом месте.

Однако как бы ни различались инструменталистские концепции эмпатии и понимания, успешно применяемые почти во всех гуманитарных дисциплинах, их объединяет одна общая черта, которую можно назвать *гносеологизмом*. Эмпатия и понимание рассматриваются как методы познания и осмысления воспринимаемой действительности. В конечном итоге это выливается в идеологию, согласно которой социальная реальность такова, какой представляет, конструирует, индуцирует ее сознание.

Некоторую односторонность такого подхода снимает экзистенциализм, сконцентрировавший свое внимание на бытие человека. Опираясь на эту традицию и непосредственно связанную с ней идею гуманистической этнологии, мы убеждаемся в принципиальном единстве конструктивизма и примордиализма. Бытие этноса, согласно данной концепции, складывается из целого ряда факторов или способов существования (язык, этнонимы, история, культура и т.д.) и среди них особое место принадлежит коллективному знанию, сознанию и чувству. В свою очередь *коллективное знание и сознание* включают в себя неизбежно эмпатию, благодаря которой в этнической системе поддерживается необходимый для ее воспроизводства уровень взаимного понимания и признания, социальной и культурной сплоченности и солидарности. Сочувствие – компонент этнической самоидентификации, обязательная составляющая таких состояний, как этнофилия, патриотизм, национализм. На почве такой, можно сказать, внутриэтнической эмпатии вырастает желание действовать в пространстве объективных нужд и интересов народа, формируются этнические потребности и обязанности. Одновременно межэтническая эмпатия создает необходимое для выживания этноса внешнее поле взаимного понимания, сотрудничества и безопасности.

Таковы естественные, универсальные законы существования социальных, этнических систем. При этом характер и уровень эмпатии, степень ее институализации, востребованности, действенности могут различаться в широких пределах. Здесь многое зависит от специфики сложившихся и возникающих у членов данного общества целей, задач, приоритетов, от выбора, который делает социум на каждом этапе своей истории, конструируя социальную реальность и в том числе реальность своего этнического бытия. Примордиализм и конструктивизм – условные обозначения ме-

ханизмов этнического бытия и развития, и эти механизмы действуют одновременно, взаимно дополняя и усиливая друг друга.

* * *

В свете кратко изложенного здесь онтологического подхода эмпатия предстает в виде позитивной связи субъекта с избранным для такой связи объектом, как условие, форма и способ существования человека и человечества. Она поддерживает необходимое для этого сочувствие предназначению и внутренней цели той реальности, которая доступна сознанию субъекта: сочувствие другим людям, самому себе, народу, обществу, природе, разного рода вещам, предметам, явлениям. Без этого нельзя и представить культурную самоорганизацию человечества.

В сфере межличностных и межгрупповых отношений специфика такого движения сознания в том, что субъект произвольно или непроизвольно повторяет, возбуждает и воспроизводит в себе переживания других людей, тех, с кем он находится в прямом или косвенном контакте. Совершается, иначе говоря, перенесение элементов внутреннего мира другой личности в свой собственный внутренний мир, и слово «сопереживание» как нельзя лучше передает содержание данного процесса. В своих высших проявлениях эмпатия обнаруживает себя как *переживание переживаний другого человека*, когда в итоге достигается не только та или иная степень или глубина понимания субъектом состояний и действий объекта, но и определенное (полное или частичное) согласие с его мотивами, с внутренним оправданием и объяснением таких состояний и действий. Недаром эмпатию рассматривают как сочувствие, predisposing к помощи и альтруистическому поведению.

Ясно, что *этническая эмпатия* приобретает различные культурные формы. В то же время она остается имманентным, природным свойством человека; сочувственная объективность вырастает из глубин коллективного бессознательного как внутренняя потребность человеческого естества в подобии, аффилиации, взаимном признании. «У человека есть инстинкт сочувствия», – подчеркивал К. Юнг⁶. Эмпатия может возникнуть непроизвольно и неожиданно для самого субъекта, например, как сострадание к залятому врагу, попавшему в трудное положение. Вообще, Юнг больше, чем кто-либо другой из великих мыслителей XX в., был сторонником широкой общегуманистической трактовки сочувствия как проявления *экстравертивной установки* и активной ассимиляции (интроекции) объекта субъектом. «Человек с установкой на эмпатию, – писал он, – обнаруживает себя в мире, нуждающемся в его субъективном чувстве, с тем, чтобы иметь жизнь и душу. Он доверчиво наделяет его своим воодушевлением»⁷.

Сочувствие распространяется на мир во всем его многообразии, включая элементы неживой природы, которые становятся вследствие этого сопричастными духу человечества. Хорошо известные под названием антропоморфизма и анимизма (аниматизма) эти отношения имеют гуманистическую направленность, как способы выражения основанного на эмпатии внутреннего единства человека со средой. Размышляя над этим, мы все больше приходим к мысли о необходимости рассмотреть под новым углом зрения концепцию и догму анимизма, как продукта первобытного, прелогического мышления.

Важно отметить, что эмпатия направлена не только на внешний, но и на внутренний мир индивидуального и коллективного субъекта. Приобретая характер самосопереживания, этот процесс становится частью формирования Я-концепции личности, группы, этноса, реакцией на перипетии их бытия в мире. Эмпатия выполняет в этом случае функцию внутренней обратной связи – активности, непосредственно связанной с культурной самоорганизацией и самореализацией этносов, с формированием образов *наличного* и *проектного этнического бытия*. Если же эмпатические переживания блокируются или искажаются, то становится невозможным их адекватное подключение к Я-концепции и к самосознанию субъекта, что ведет к

дезадаптации, к несоответствию между воображаемым и реальным бытием личности или социума. К примеру, когда в образе Я народа сильно акцентирована ценность любви, благодарности, уважения, заботы о других, но ситуация объективно такова, что не располагает к таким чувствам и отношениям, возникает внутренний конфликт между идеальным и наличным бытием⁸. Чтобы преодолеть его, не теряя чувства самоуважения, люди каким-то образом оправдывают свои негативные реакции – например, страданиями, которые они испытывают от действий других групп или народов по отношению к ним. Развивается гипертрофированное чувство жалости и сострадания к себе, поддерживающее ненависть или неприязнь к обидчикам, убеждение в своей собственной непогрешимости.

Такова природа деструктивного национализма, в которой четко прослеживается связь процессов самосопереживания с содержанием *каузальной атрибуции* (созданием версий о причинах собственного поведения и поведения других людей). Ложные или неточные предположения, поспешные выводы и оценки могут расстроить отношения, привести к конфликтам всех типов. Это так называемые ошибки атрибуции и самоатрибуции, которые разделяются на два вида: диспозиционные, связанные с ложными представлениями о человеческих качествах и стремлениях, и ситуативные – обусловленные неправильной, эмпатически безграмотной оценкой ситуации и своего места в ней.

Как видим, в сложной и противоречивой картине бытия сочувствие является катализатором состояний и действий субъекта, придавая его активности определенную заданность, хотя не всегда конструктивную. В частности, непропорционально развитая и выраженная внутриэтническая эмпатия и включенность могут явиться источником национальной ограниченности, высокомерия, больших амбиций. В других условиях чрезмерное внимание и болезненная чувствительность к аспектам этнического бытия предрасполагает к возникновению расстройств параноидального типа (неуверенность в себе, подозрительность, обидчивость, мстительность, мания преследования). Самый худший сценарий – соединение этих тенденций, когда развивается склонность бросаться из одной крайности в другую, переходя от непомерного самовозвеличивания к самоуничтожению.

Однако плохо сказывается, подчас, не только избыток, но и недостаток эмпатии. Замечено, что снижение способности к самосопереживанию коррелирует обычно с низким уровнем собственного достоинства⁹. Так развивается иногда *этнический нигилизм*, выражающийся в отрицании этнического сознания и бытия вплоть до отказа от национальной принадлежности или полного равнодушия к самой идее национальности, когда человек становится сторонним наблюдателем этнических процессов, безразличным к благоденствию народа и его ценностям. Подобные состояния сопряжены с маргинальным этнокультурным статусом субъекта и проявляются как стремление преодолеть внутреннюю напряженность и расколотость сознания. В какой мере это удастся отдельной личности или всем представителям народа вкуче – уже другой вопрос. Особой, можно сказать, вызывающей, демонстративной формой достижения внутренней свободы являются в этих случаях некоторые формы космополитизма, но это сложная идея, и она не стала еще предметом этнологического анализа, хотя, несомненно, того заслуживает. Существуют – и не предполагательно, а реально – не только отдельные личности, но и народы, у которых преобладает космополитическое или планетарное сознание, что, быть может, даже меньше других касается еврейского народа, с которым ассоциируется у многих россиян такое печальной памяти определение.

Столь же важно упомянуть о фактах «бегства» от сопереживания. Многие люди, отдавая себе отчет в том, что те или иные ситуации вызывают у них сострадание, сочувствие и вовлекают тем самым в свой водоворот, ищут и находят возможность уйти от чрезмерного включения в эти лишаяющие покоя ситуации. Таковы естественные человеческие реакции или, если хотите, слабости, и они имеют место как во внутринациональных, так и в межнациональных отношениях. К примеру, так защи-

шают себя от сострадания к инвалидам или от огорчения по поводу кризисных явлений в национальной идеологии и культуре. В сфере межэтнических отношений защитные механизмы этого типа включаются во время открытых противостояний и войн. Значительная часть нынешних россиян предпочитает не знать о страданиях обедневших сограждан или о лишениях чеченского населения – сохранять и поддерживать определенный порог чувствительности к этим страданиям и лишениям. Стоит ли говорить о том, насколько высок этот порог защиты у безработных или у чеченских беженцев?

Любой сколько-нибудь широкомасштабный конфликт неизбежно порождает явление, названное *бегством от эмпатии*, создавая неблагоприятный с гуманистической точки зрения фон, на котором возникают и распространяются черствость, бессмысленная жестокость, игнорируются фундаментальные принципы этической рационализации мира¹⁰. Конфликты и войны становятся смягчающим вину обстоятельством, и им сопутствует всегда не только идеология возмездия и насилия, но и идеология невинности, о которой так красноречиво повествует в своих работах Р. Мей¹¹. Невинность и ощущение безнаказанности сужают сознание человека, закрывают доступ к знаниям, этической рационализации мира, тогда как осознание вины и покаяние расширяют сознание, способствуют увеличению знания, и это, как показывают специальные исследования, обусловлено во многом эмпатией¹².

Очень часто невинность создает почву для усиления агрессии. Доказано, что люди со стойкими предубеждениями, испытывающие так называемую «эндогенную ненависть» (термин предложен Э. Фроммом) к своим жертвам, реагируют на сигналы о боли со стороны этих жертв проявлением по отношению к ним еще большей жестокости. И зачастую почти механически – прилагая лишь больше усилий для подавления защитных реакций жертвы. Здесь нет установки на диалог, механизмы позитивного внимания и элементарной обратной связи ограничены или бездействуют, а идентификация, этически грамотная оценка объекта ненависти, его состояний и реакций невозможна или затруднена. Есть лишь некое общее убеждение (предубеждение) в целесообразности совершаемых акций и столь же общая, плохо осмысленная негативная установка, которая блокирует эмпатию, санкционирует жестокое, бесчеловечное обращение с людьми. Так действовал Колумб, методично, без разбора и видимой причины уничтожавший индейцев, наивно полагая, что в соответствии с целью своего предприятия он прибыл в Китай или Индию, населенные людьми второго сорта.

В отличие от этого, «реактивная ненависть» изначально диалогична. В чистом виде она еще не отягощена стойким предубеждением, предполагает общение и изменение позиций в ходе общения. Поэтому у субъекта такой ненависти в ответ на поступающие со стороны жертвы сигналы о боли возникает чаще всего эмпатия, способствующая снижению уровня агрессии¹³. По-видимому, связанная с эндогенной ненавистью бесчувственность и нонэмпатичность являются для человека аномалией, привнесенной какой-либо ложной идеей или идеологией, в то время как чувствительность, сохраняющаяся при «реактивной ненависти», является его нормальным, естественным состоянием.

К сожалению, мы все еще недооцениваем масштабы воздействия эмпатичности или нонэмпатичности на культурную самоорганизацию и повседневную жизнь человека. Между тем, если разобраться, повсюду обнаруживается их глубокая внутренняя связь с тоном и модусом актуального переживания: с надеждой, страхом, стыдом, тревогой, сомнением, обидой, виной, ожиданием, прощением, смирением, покаянием, самооправданием и т.д. Эти отношения плохо изучены, и здесь открывается широкое поле не только для психологических, но также и в меньшей степени для этнологических исследований, например, для исследования этнического самочувствия, включая сюда травмы коллективной памяти.

Известно, насколько важны в отношениях между людьми социальные ожидания и, в первую очередь, ожидание позитивного, понимающего отношения. Однако не

сделано еще соответствующих выводов из того обстоятельства, что потребность в сочувственном отношении со стороны других и ожидание таких отношений является столь же устойчивым и универсальным свойством человеческой природы, как и сама эмпатия. В некоторых языках существуют специальные наименования подобных комплексов культуры. Например, у адыгов это категория *цыхум и нэмыс* – букв. «честь, репутация человека». Это система моральных прав и привилегий, на которые может рассчитывать каждый человек в зависимости от его места в социальной структуре общества. У японцев аналогичную функцию выполняет термин *амае*, выражающий свойственную японцам установку «полагаться на благожелательность»¹⁴, «наслаждаться снисходительностью»¹⁵ окружающих.

Понятно, что не только у отдельных личностей, но и у народа в целом вырабатываются подобные ожидания и соответствующие им модели поведения. Если они не подкрепляются, не находят адекватной встречной активности, если надежды на эмпатию оказываются обманутыми, субъект испытывает разочарование, обиду, злость. Последствия подобных состояний сознания нетрудно предугадать. На почве фрустрации возникает неприязненное, подозрительное отношение к другим, складываются постепенно различные формы агрессивного поведения. К такому развитию событий подталкивают зачастую упоминавшиеся выше стратегии и тактики закрытости и бегства от эмпатии.

Положение спасает традиция толерантного отношения к людям, позволяющая смягчить напряженность в отношениях между людьми, поддержать высокий уровень доверия, открытости, доброжелательности, взаимного признания и уважения. Но в этнологии чаще всего под этим углом зрения рассматриваются межэтнические отношения, что приводит к некоторой однобокости исследований. Однобоким становится и наше мышление. Мы забываем, что именно внутриэтническая (и шире – внутринациональная) толерантность, обусловленная во многом характером и уровнем внутриэтнической эмпатии, поддерживает в обществе определенный, спасающий его от депрециации уровень согласия и понимания. Эмпатичные личности, как правило, толерантны, то есть более снисходительны и деликатны; им в меньшей степени свойственно обвинять в чем-либо других, настаивать на суровом наказании людей, допустивших какие-либо промахи или ошибки. Словом, это такие качества личности, группы или общества, которые формируются и обнаруживают себя под влиянием и на общем фоне сочувственного отношения к миру. Толерантное сознание и поведение являются во всех случаях внутренне согласованной частью эмпатического сознания и поведения.

Крайне интересно и очень полезно произвести сравнительный анализ внутренней формы терминов, используемых для обозначения толерантности. К примеру, у кабардинцев в этом качестве выступает лексема *дэчых* (*дэчыхын*), ассоциирующаяся с тактом, деликатностью, готовностью пойти на уступки, простить, со способностью и склонностью не акцентировать внимание на враждебных выпадах, промахах, ошибках или каких-либо недостатках других людей. Но одновременно это слово используется и в значении «свернуть с прямой дороги», «пойти или поехать другим, обходным путем», и, благодаря такому удвоению, сущность такта или толерантности предстает особенно зримо, отчетливо. Не случайно Х.-Г. Гадамер характеризует содержание слова «такт» в терминах «движения». «Можно тактично что-то сказать, – пишет он. – Но это всегда значит, что при этом что-то тактично обходят и не высказывают и что бестактно говорить о том, что можно обойти. Но "обойти" не означает отвернуться от чего-то; напротив, это что-то нужно иметь перед глазами, чтобы об него не споткнуться, а пройти мимо него. Тем самым такт помогает держать дистанцию, избегать уязвлений и столкновений, слишком близкого соприкосновения и травмирования интимной сферы личности»¹⁶.

Есть в кабардинском языке еще одно слово, передающее другую разновидность толерантности. Это слово (*дэклутэ, дэклуэтэн*), которое означает: «двигаться сознательно вспять – в том направлении, в каком движется с определенной целью дру-

гой человек или оппонент». Обычно оно используется для обозначения необходимости пройти определенный путь вместе и в согласии с противной стороной, несмотря на то, что исходные жизненные интересы личности или социума указывают ему другой, диаметрально противоположный маршрут. Таким образом, речь идет о соглашении с какими-то условиями, обстоятельствами или действиями, которые противоречат некоторым важным замыслам, целям или задачам индивидуального или коллективного субъекта. Этот субъект открыто, сознательно идет на такой шаг или компромисс – из уважения или сострадания к оппоненту, во имя утверждения или сохранения с ним отношений дружбы, согласия, сотрудничества, во избежание конфликта и т.д. ДэкУатэ – способ преодоления сложившихся противоречий и механизм культуры, ассоциирующийся с представлениями о дипломатических уступках. Поэтому очень часто этот термин используется в значении встречной, мирной и ненавязчивой инициативы, с которой выступает одна из сторон социального взаимодействия.

Толерантность предполагает торможение или отторжение этически или юридически неприемлемых побуждений и действий в ситуациях, когда вероятность таких реакций объективно велика и здесь крайне важна и актуальна способность личности переломить себя, обуздать негативные эмоции, направить свои переживания и действия в эмпатическое русло. Порой сделать это невероятно трудно, и я полагаю в данной связи, что среди ведущих характеристик толерантности едва ли не на первое место выдвигается воля. Между тем, чаще всего в таком качестве представляют мягкость, уступчивость, смирение, и это не совсем верно, ведь тем самым толерантность сводят, сами того не желая, к слабости, в то время как на самом деле наибольшее значение имеют здесь сила, благородное мужество и мудрость.

Преимущество нашей трактовки состоит в том, что позволяет отделить характерную для толерантности терпимость от терпения и терпеливости. В.А. Тишков в данной связи правильно отмечает, что *терпение* является характеристикой объекта, испытывающего на себе какое-либо негативное воздействие, давление. В отличие от этого, *терпимость* – характеристика субъекта, выражающаяся в его «открытости и свободном мышлении»¹⁷. Следует только добавить к этому, что в случае с терпением мы имеем дело чаще всего лишь с вынужденной или благоразумной покорностью слабого и беспомощного в его отношениях с сильным. Не зря в социальной психологии такие состояния получили название *выученной беспомощности*¹⁸; по своему содержанию они близки в гораздо большей степени к состояниям безысходности, социальной апатии и покорности судьбе, а не к толерантности как таковой¹⁹.

Тем не менее, часто даже в социологических исследованиях людей, у которых преобладают такие состояния, относят к типу толерантных. Например, Г.Л. Воронин, выделяя этот тип (метатип) наряду с тремя другими (конфронтирующими, дискомфортными и комфортными), характеризует его в духе экзистенциального невроза, используя известные высказывания Л.Н. Толстого на этот счет. В частности, он пишет, что «в целом респонденты этой группы, понимая зло и бессмысленность жизни, продолжают "гнать" ее, зная наперед, что ничего из нее выйти не может. Каждый из этих людей задает себе один и тот же вопрос, но не может найти ответ: "Зачем существует все то, что существует, и зачем существую я"»²⁰.

Понятно, что назвать толерантными таких людей можно только условно, в рамках задач конкретного исследования. О толерантности в собственном смысле слова можно говорить лишь в том случае, когда субъект терпимого, снисходительного отношения и поведения хорошо сознает силу, неуязвимость своей позиции и сохраняет чувство собственного достоинства, когда источником такого поведения являются воспитанность и широта ума, интеллектуальная смелость и гражданское мужество.

Но снисходительность сильного по отношению к слабому может быть и оскорбительной для последнего. Все здесь зависит от конкретных условий ситуации, о чем мы уже говорили. Если в установке на межэтническую толерантность преобладает холодный, эгоистический расчет и пренебрежительное отношение к другому наро-

ду, – это одна ситуация. И совсем другая ситуация – толерантность, основанная на эмпатическом отношении, когда действия в интересах других воспринимаются как действия в своих собственных интересах, когда субъект живо представляет и воспроизводит в себе самое желание, чувства, чаяния других людей, принимая их взгляд на связанную с этими переживаниями конкретную жизненную ситуацию.

Это требует от человека определенных волевых усилий, преодоления разного рода внешних и внутренних препятствий, возникающих на пути к этически выверенным отношениям и действиям. Не только толерантность, но и эмпатия в целом является в своих высших проявлениях актом доброй воли и самопожертвования. К.Роджерс и другие психологи не зря подчеркивали, что быть эмпатичным трудно, что для этого необходимо обладать большой внутренней силой, активностью, ответственностью, оставаясь в то же время тонким, чутким, снисходительным, деликатным.

Но можно ли с такой меркой подходить к обычному человеку: среднему россиянину, американцу, французу, сербу? Как оставить в стороне свои собственные повседневные дела, заботы, интересы, чтобы не только проникнуться чувствами, желаниями, проблемами других людей, но и действовать в соответствии или с учетом этих желаний? Как преодолеть возникающие при этом психологические и социальные барьеры: эгоизм, леность, вековую национальную вражду и предубежденность и где взять необходимые для этого силы?

В свете вышеизложенного ответить на поставленные вопросы уже гораздо легче. Неиссякаемым источником эмпатии и громадных дополнительных сил, необходимых для поддержания сочувственного отношения к людям, является культура и в том числе этническая, без которой и вне которой обычно люди себя не мыслят и не могут существовать, воспринимая ее как нечто вполне естественное, привычное и необременительное.

Приведем такой пример: требуются ли в обычных условиях большие силы для того, чтобы приветствовать знакомого человека, расспросить его о делах, поблагодарить за оказанное внимание, извиниться за опоздание на встречу, поздравить с повышением по службе или с рождением ребенка. Считаем ли мы очень трудным делом помочь старому и больному человеку подняться по лестнице, уступить место женщине, заменить на работе заболевшего коллегу? Значительная часть эмпатических действий исполняется почти автоматически, в силу привычки и в этом смысле относится к числу так называемых «простых волевых действий», соотносимых, кстати, с простыми нормами нравственности. Проще говоря, в таких случаях мы ведем себя надлежащим образом, в соответствии с освоенной и разделяемой нами культурой.

Элементарные нормы приличия облегчают осуществление этически выверенных (эмпатических) действий, высвобождая нашу умственную и физическую энергию для исполнения других, более сложных жизненных проблем и задач. Эти нормы являются строевыми единицами культуры эмпатии, помогая правильно построить отношения с людьми, создавая для них, а стало быть, и для себя, необходимый минимум психологического комфорта. Действуя в соответствии с принципами и нормами эмпатического мышления и поведения, человек устраняет возникающие в ходе социальных контактов сомнения, опасения, тревоги, заполняет скользящий и создающий большое напряжение вакуум незнания об этически грамотном и целесообразном поведении. В таких случаях удовлетворение и ощутимая польза от собственных правильных действий являются для личности наградой за ее эмпатичность. В сфере социального взаимодействия и влияния культуру эмпатии можно рассматривать как символическую систему, благодаря которой человек нащупывает и находит поле взаимных интересов, преодолевает социальное и психологическое напряжение, фундаментальную тревогу бытия.

Но за пределами данной сферы существует еще четко обозначенный, во многом высокоинституализованный слой культуры эмпатии, связанный с созданием уюта и удобств для человека при строительстве жилых и производственных помещений, конструировании промышленных изделий (дизайн), озеленении городов и т.д. В свя-

зи с этим широко обсуждаются различные аспекты не только естественной, но и рукотворной среды; большое внимание уделяется тому, в какой мере она отвечает национальным и общечеловеческим стандартам эмпатического, эстетического отношения к миру. Мысли отдельных личностей и целых народов в течение многих веков работают в данном направлении, стремясь противостоять беспечному, расточительному отношению человека к своему бытию в мире; древний культурный комплекс *фэньцуй* – один из примеров такой активности. Что касается современной науки, то здесь эти вопросы стоят очень остро в связи с последствиями плохо продуманного и просчитанного и потому угрожающего воздействия людей на среду обитания; специально поднимаются и рассматриваются проблемы экологической этики²¹, нравственной экологии²², гуманистического осмысления окружающей среды²³. Гуманистически и этнически ориентированное направление в архитектуре²⁴ возникло и существует на той же почве.

Как видим, во всех сферах человеческой деятельности сложились и действуют принципы и нормы эмпатического мышления и поведения, которые осваиваются и перенимаются людьми в различных концах мира. Поэтому с чисто информационной точки зрения культура эмпатии представляет собой определенную систему сведений о том, где взять эмпатию и как быть эмпатичным в конкретных жизненных условиях и ситуациях, в практике повседневной деятельности. По существу, это внутренний опыт человечества, приобретаемый и используемый в ходе социализации, в той или иной мере он известен каждому человеку. Задача состоит лишь в том, чтобы придать этому естественному движению эмпатии к самовыражению более осмысленный и организованный характер, в связи с чем и возникает необходимость специального изучения культуры эмпатии. В сущности, с давних пор этим заняты в той или иной мере (хотя не вполне осознанно и целенаправленно) все гуманитарные дисциплины. Но у этнологии здесь самый большой и богатый опыт. Ведь именно этнологи наиболее последовательно и тщательно исследуют такие элементы и комплексы культуры, которые формируют, сплачивают, воспроизводят этносы, одновременно соединяя их со всем человечеством. Большинство способов этнического бытия – разного рода символы, обычаи, нормы, институты – являются инструментами взаимного понимания, признания, согласия, образуя в совокупности характерную для данного этноса и, следовательно, для всего человечества культуру эмпатии.

Возьмем в качестве иллюстрации обычай гостеприимства в традициях горских народов. Совершенно очевидно, что концепция гостя, как персоны грата, является эмпатической реакцией на трудные условия, в которых он оказывался вне территории своей группы (рода, племени, поселения) и соответственно вне ее защиты: он мог быть подвергнут насилию – быть ограбленным, захваченным в рабство, даже убитым. Поэтому гость как бы условно включался в состав группы, которая оказывала гостеприимство (семья, сельское общество и т.п.), пользовался ее защитой и получал необходимый отдых, пищу, ночлег, важную информацию. В основе своей гостеприимство – социальный институт, своего рода взаимопомощь, призванный противостоять слабости и уязвимости одного человека²⁵. Логическим продолжением, своего рода этической экстраполяцией гостеприимства являются и традиции куначества, патроната. В целом весь этот сложный комплекс культуры был одновременно культурой эмпатии.

В еще более яркой и очевидной форме мы обнаруживаем во многих других традиционно этнографических «сюжетах»: в обычаях взаимопомощи, похоронных и поминальных обрядах, в традициях, связанных с рождением ребенка, со свадьбой и т.д. Эмпатическую направленность имеют этнически своеобразные представления и понятия о добре, зле, справедливости, совести, вине, внимательности, чуткости, благодарности, сострадании.

С эмпатией связаны различные формы религиозного сознания и поведения. В древности, еще до формирования мировых религий, у людей сложились представления об искуплении вины и очищении души через сочувствие и помощь страждущему.

Но исторически это уже сравнительно высокая ступень развития культуры, когда для обоснования религиозного мышления и поведения на первое место выдвигаются этические соображения и мотивы. Искупление вины посредством сострадания, сочувствия, прощения, благодеяния существенно дополняет и постепенно шаг за шагом оттесняет другие чисто механические и догматические формы достижения той же цели, такие, как очищение огнем, золой, водой, путем задабривания или, напротив, устрашения духов, демонов, принесения им жертв и даров.

Показательна в этом отношении категория *псапэ* у целого ряда кавказских народов (адыгов, карачаевцев, балкарцев, осетин, абхазов). Она соединяет в одно целое две очень важные идеи: благотворение и воздаяние (искупление). Поэтому в практике повседневной этической оценки и рационализации событий, действий, отношений как разные грани одного и того же процесса воспринимаются высказывания *псапэ шцэн* – «совершать псапэ» и *псапэ кэахын* – «приобретать псапэ». Первый из этих актов ассоциируется с благодеянием, с благотворным воздействием на душу страждущего, а второй – с моральной заслугой и самовознаграждением, с просветлением и искуплением. Считается, что человек каждодневно, неустанно обязан совершать добрые дела и поступки, улаживая душу страждущего, спасая и успокаивая собственную душу.

Это напоминает буддистскую практику просветления через чистое, свободное от корысти благодеяние. Буддизм, вообще говоря, религия с четко поставленной и хорошо продуманной эмпатической установкой. Каждому верующему вменяется в долг достижение так называемых благих состояний сознания – не-алчность (*алобха*), не-враждебность (*адвеша*), не-невежество (*амоха*) и т.д.²⁶. Тем самым сознание личности очищается от всего, что способно стать помехой эмпатическому восприятию мира. Несколько иначе – через отрицание определенного типа деяний содержится то же самое в известных библейских заповедях: не убий, не укради, не лжесвидетельствуй и т.д. Можно вспомнить, наконец, что самым точным и всеобъемлющим отображением необходимости сочувственного отношения к людям стало знаменитое выражение Конфуция: «Не делай другим того, чего не желаешь себе»²⁷.

Эмпатическим является такой необычайно сложный социальный институт как *этикет*. В его основе лежат принципы и нормы понимающего, сочувственного мышления и поведения, ориентированные на создание для коммуникантов некоторого минимума психологического комфорта и уюта. Чем больше такое поведение распространяется на сферу повседневности, тем, следовательно, выше развитие культуры данного этноса, и это одно из самых важных положений этнографии общения²⁸. С другой стороны, человеческая коммуникация уже сама по себе является важной составной частью эмпатического поведения. Это относится даже к случаям использования ненормативной лексики; есть все основания думать, что в отношениях между людьми такие реакции были (и в определенном смысле остаются) способами проявления толерантности, позволяющими найти выход эмоциям и воздержаться от еще более агрессивных и деструктивных воздействий. Добавим лишь, что исторически другим, более радикальным шагом в данном направлении следует признать возникновение эвфемизмов и коммуникативных запретов.

Изучение этнической специфики общения, как явствует из сказанного, является одновременно изучением культуры эмпатии, свойственной данному народу. Здесь во всей полноте дают о себе знать выработанные человечеством принципы и нормы внимательного, чуткого, предупредительного отношения к людям.

Большое и почетное место занимают в этнографических исследованиях традиции и нормы сочувственного отношения к живой и неживой природе. Известны явления пищевого аниматизма, в основе которых лежит благоговейное отношение к хлебу, как к духовной сущности, способной воспринимать и оценивать отношение к ней человека²⁹.

Не менее показательна традиция почитания растений, в частности выделение некоторых деревьев и лесов в качестве объектов религиозного почитания. Повсеместно действовали запреты на вырубку таких деревьев и лесов: это были эмпатические в основе своей нормы, являющиеся, кроме всего прочего, компонентами традицион-

ной экологической, природоохранной культуры. Среди шапсугов, например, бытовало мнение, что срубленная в священном лесу ветвь повлечет за собой смерть человека, посмеявшего это сделать, срубленное дерево – уничтожение его семьи, а истребление священной рощи – гибель всего населения. Аналогичные представления были распространены у других народов. И дело здесь, конечно, не в страхе наказания, а в сочувствии жизни вообще, будь то жизнь растения, животного или человеческого существа (представление о наказании и страх перед ним – вторичны, проистекают из фактов нарушения правил и запретительных норм). Обычно люди с неохотой, с каким-то необъяснимым тяжелым чувством прибегают к вырубке деревьев и, напротив, испытывают удовольствие от того, что какое-либо растение хорошо и беспрепятственно развивается, радуя глаз мощью, величием, красотой форм и т.д.

Сочувствие жизни растений и в целом устройству окружающей человека среды внутренне связано с эстетическими переживаниями. По существу, любая активность, имеющая целью создание, сохранение и развитие красоты, является в основе своей эмпатической, направленной на удовлетворение потребности человека в эстетическом удовольствии и комфорте. Акцентируя на этом внимание, гуманистическая этнология подготавливает почву для рассмотрения в данной плоскости всех компонентов этнической культуры: первичное производство, поселения, жилище, пищу, мораль, право, религию, народное искусство.

Чем выше свойственная народу культура эмпатии, тем ярче обнаруживает себя во всех названных сферах жизни идея красоты, гармонии, чистоты, справедливости. Недостаточно развитая культура эмпатии, напротив, питает, поддерживает и множит эстетически ущербную и агрессивную деятельность и среду, пагубно отражаясь на самочувствии людей, вызывая уныние, злость, повышая уровень тревоги и напряженности в обществе.

* * *

Общий вывод, который нужно сделать из всего сказанного, состоит в том, что, изучая народы, этнологи изучают прежде всего свойственную им культуру эмпатии. Она заключена в понятиях, ценностях, нормах, институтах, ориентированных на производство и воспроизводство понимающего и сочувственного сознания, этически и эстетически благоприятной и комфортной внешней и внутренней среды. Самым важным в гуманистической этнологии является положение о *конгруэнтности уровня* (качества) эмпатии и социальной организации общества. В том случае, когда принципы и нормы эмпатии поддерживают в социуме высокий уровень позитивного внимания, согласия, признания, поддержки, – есть основания говорить о нем, как об относительно благополучном, гармоничном обществе – даже вне связи (во всяком случае, жесткой) с характером и уровнем развития в нем цивилизации. Напротив, если культура эмпатии недостаточно развита или она отвергнута, мы имеем дело с неблагоприятным и, в известном смысле, опасным обществом, негативно влияющим как на собственное самочувствие и бытие, так и на самочувствие и бытие других, прежде всего соседних обществ. Рут Бенедикт и вслед за ней Абрахам Маслоу оперируют при этом термином *синергизм* и выделяют народы и культуры с высоким и низким уровнем синергизма, что коррелирует в целом с представлением о высокой и низкой культуре эмпатии³⁰.

Господство эгоистических интересов, агрессивность, жестокость, коварство, алчность, неблагодарность, расчет на грубую силу, порождающий ощущение превосходства и вседозволенности – вот далеко не полный перечень свойств и склонностей, преобладающих в обществах или у народов с низкой культурой эмпатии. Это как раз те черты, которые делают их опасными и для себя, и для других.

Мне уже приходилось доказывать, что тезис, согласно которому нет и никогда не было плохих народов, а есть только плохие люди, позорящие доброе имя и репутацию народа, не совсем правильно ориентирует ученых, политиков, общественное мнение в целом. Пользуясь аналогичной казуистикой, можно с таким же и даже с гораздо большим успехом сказать: любой человек изначально добр, есть лишь «плохие», сбившиеся с верного пути общества, вынуждающие людей стать плохими. Но в каждой из обозначенных позиций есть доля истины, и чтобы снять такое противоречие, следует признать, что народы с недостаточно развитой или востребованной культурой эмпатии действительно есть или бывают. Только не следует видеть в этом раз и навсегда заданное свойство; один и тот же народ может демонстрировать высокий уровень эмпатии на одном этапе своей истории и низкий – на другом. Задача этнологов и психологов состоит в том, чтобы выяснить причины, закономерности, всевозможные грани и динамику протекания этих процессов. Такие попытки предпринимались неоднократно, и всегда подчеркивалось, что от недостатка эмпатии страдает разум. «Поведение целых наций совершенно не соответствует соображениям разума, – писал Э.Фромм, – многие граждане... быстро забывают, как, прислушиваясь к советам демагогов, они нанесли большой ущерб своей стране и другим странам»³¹.

Очевидно, что уровень и специфическое содержание внутриэтнической эмпатии отражаются (позитивно или негативно) и на межэтнической эмпатии, создавая вокруг данного народа или государства благополучную или неблагополучную, этически выверенную или ущербную среду. Существует, вообще говоря, два вектора (высокой или низкой) культуры эмпатии: центробежный и центростремительный. Они действуют совместно, оказывая влияние на содержание всех сфер этнического бытия. Но бывает и так, что, к примеру, низкий уровень синергизма, как бы выплескиваясь, выталкиваясь из сферы внутренних связей и отношений, дает еще одну разновидность деструктивности, дуализма и расколотости этнического сознания и бытия, создавая почву для различных форм агрессии или экспансии. Этнологи не зря с большой тревогой говорят о зловещих примерах и показателях «противоестественного сочетания добра и зла в этнической мобилизации», о том, что на этой почве рождались конфликты и войны, сотрясавшие мир на всем протяжении XX столетия³².

Реальную угрозу таит в себе и социум, в котором низкий уровень эмпатии имеет выраженную центростремительную направленность. Среди народов близких и хорошо знакомых мне, таково нынешнее состояние кабардинцев. Болевой точкой кризиса, в котором они находятся, является кризис самосопереживания и связанный с этим «кризис культуры себя» (термин Э. Фромма) – беспечное, недостаточно осмысленное отношение к своему духовному наследию, к внешнему и внутреннему облику, к настоящему и будущему. Конечно, это нужно понимать как оценку в рамках культурно-исторического контекста последних столетий, в сравнении с функциями, которые выполняла Кабарда в социальной, политической и духовно-нравственной жизни Кавказа в XV – начале XIX в. Следует также учитывать реально имеющиеся, но плохо используемые, по существу – отвергнутые либо забытые народом ресурсы самоорганизации. Среди них самыми важными, ключевыми остаются и по сей день традиционная этика (*адыгагъэ*) и традиционный этикет (*адыгэ нэмыс, адыгэ хабзэ*). В настоящее время эти институты, получившие широкое, едва ли не всемирное признание, пришли в упадок. От них отказались: народ молчаливо и тихо, а местные власти еще в 1960–1970-е годы – демонстративно, с вызовом. В итоге люди разучились рационально распределять и использовать свои силы, средства, время, анализировать ситуацию и принимать разумные решения, четко и слаженно действовать не только в интересах общества, но и в своих личных интересах. Печать упадка лежит на всех сферах жизни кабардинцев: семейно-бытовой, производственной, общеэкономической, политической, культурной. И все это напрямую связано со снижением уровня общей культуры и культуры эмпатии, с беспрецедентным по своим масштабам блокированием этнических потребностей, возведенным в ранг государственной политики. Массовым явлением стала в этих условиях социальная апатия, демонстра-

тивный отказ интеллектуальной элиты от культурной активности и инициативы. Впечатление такое, что народ объявил бойкот своему собственному существованию.

Ограничив действие исторически сложившихся и выверенных способов самоорганизации, кабардинцы наносят ущерб не только своему социальному и этническому бытию, они нарушают складывавшиеся веками механизмы социокультурного равновесия и развития всех народов Кавказа, включая сюда русское население и казачество. Кабарда утратила стабилизирующее, организующее значение в регионе, одновременно Кавказ утратил сознание целостности и единства, ощущение зримого присутствия в мире.

Можно говорить в данном случае о своего рода закономерности; по-видимому, при определенных условиях снижение уровня эмпатии в одном обществе вызывает цепную реакцию дегуманизации и дезадаптации, распространяющуюся наподобие волн во все стороны от данного центра. Если же посмотреть на все это еще шире, то мы увидим, что проблема этически выверенных способов и форм жизни связана с насущными проблемами бытия человечества в целом, с перспективой, которая открывается перед новыми поколениями людей в новом тысячелетии.

Культура эмпатии задаст определенный тон движению всей культуры. Она является центральным звеном или ядром этоса, определяя формы и способы этической рационализации мира, характер и значимость циркулирующих в обществе ценностей, норм, привычек, навыков. В нашем понимании *этос* – это система образов культуры (в том числе и этнических образов), фиксирующих особенности мышления и поведения людей, место в этом мышлении и поведении эмпатических и нонэмпатических комплексов. Целенаправленное, последовательное описание этнических образов или *этосограмм*, можно было бы назвать *этосографией*, но это по существу лишь иное обозначение научной дисциплины, которую мы называем по традиции *этнографией*. Она была и остается во многом наукой, изучающей формы эволюции и инволюции нравственной жизни и культурной самоорганизации народов.

Именно так и ставится вопрос в гуманистической этнологии. Эмпатия рассматривается как *имманентное свойство* и способ человеческого существования, условие производства и воспроизводства базовых признаков этноса, таких, как общий язык, самоназвание, самосознание, история, общие символы культуры и т.д. В этом естественном стремлении к самоосуществлению дает о себе знать витальная или примордиальная сторона этнического бытия. С другой стороны, на всем протяжении человеческой истории, сочувствие находило выражение в различного рода ценностях, нормах, институтах, в передаваемых из поколения в поколение способах, стандартах мышления и поведения. Так создавалась, создается и постоянно воспроизводится культура эмпатии, определяющая характер и общую направленность социальных процессов и в таком, уже несколько ином движении сознания заложено изначально конструктивистское отношение к способам бытия.

Анализ отношений между обозначенными тенденциями этнического развития и целенаправленное изучение культуры эмпатии – главная задача гуманистически ориентированной этнологии. Только не следует преувеличивать значение одной из этих тенденций и в том числе тенденции строительства, конструирования, переустройства этноса, подталкивая людей к необдуманым действиям, идущим вразрез с естественным ходом событий. Дело ведь не в том, что нет «плохих» народов, а в том, что нет «лишних» народов (и соответственно лишних, отсталых языков, обычаев, традиций), не вносящих свой неповторимый вклад в существование человечества.

Примечания

¹ Бгажноков Б.Х. Основания гуманистической этнологии // Этнограф. обозрение. 2000. № 6.

² Dilthey W. Gesammelte Schriften. Bd.7. Stuttgart, 1958. S. 136.

³ Rogers C.R. A theory of therapy, personality and interpersonal relationships, as developed in the client-centered framework // *Psychology: A study of a science*. N.Y., 1959; Rogers C.R. Empathy: An unappreciated way of being // *Counselling psychology*. 1975. V. 5. № 2. *Он же*: К науке о личности // *История зарубежной психологии*. М., 1986.

⁴ Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1998. С. 430.

⁵ Berger P.L., Luckmann T. Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Frankfurt, 1972.

⁶ Юнг К. Архетип и символ. М., 1991. С. 113.

⁷ Юнг К. Психологические типы. СПб., М., 1995. С. 492. Возможно, взгляд Юнга на эмпатию был своеобразной реакцией на скептическое отношение к альтруистической морали, выраженное в наиболее отчетливой и резкой форме Ф. Ницше. См.: *Ницше Ф.* Утренняя заря или мысль о моральных предрассудках. Минск, 1998.

⁸ Психологи рассматривают эти конфликты как разновидность когнитивного диссонанса, при котором человек ощущает, что он «плохой», потому что его действия не согласуются с образом «Я» и есть существенная разница между ценностями, которые он исповедует, и ценностями, которых он придерживается на самом деле. См.: *Schlenker B.R.* Translating actions into attitudes: An identity-analytic approach to the social psychology. N.Y., 1982.

⁹ Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969.

¹⁰ См.: Антропология насилия. М., 2001.

¹¹ Мэй П. Сила и невинность. М., 2001.

¹² Бэррон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб., 2000. С. 319.

¹³ Rawlings E.J. Reactive guilt and anticipatory guilt // *Altruism and helping behaviour*. N.Y., 1970.

¹⁴ Doi L.T. Amae: A key concept for understanding Japanese personality structure // *Japanese culture, its development and characteristics*. Chicago, 1962. P. 132.

¹⁵ Vefu H. Japan. An anthropological introduction. San-Francisco, 1971. P. 210.

¹⁶ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 58.

¹⁷ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 258.

¹⁸ См. об этом: Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. М., 1986. С. 112–134.

¹⁹ Э. Фромм пишет в данной связи о людях с так называемой «рецептивной ориентацией», у которых бесправное положение, постоянная необходимость приспособляться и нравиться порождают чувство беспомощности. См.: *Фромм Э.* Психоанализ и этика. М., 1993. С. 73.

²⁰ Воронин Г.Л. Социальное самочувствие россиян (1994–1996–1998 гг.) // *Социологические исследования*. 2001. № 6. С. 64.

²¹ Dower N. What is environmental ethics // *Ethics and environmental responsibility*. Aldershot, 1989.

²² Лихачев Д.С. Раздумья. М., 1991.

²³ Tjetson W.H., Proshansky H.M., Pivin L.C., Winkel K.G. An introduction to environmental psychology. N.Y., 1974.

²⁴ Аалто А. Архитектура и гуманизм. М., 1978.

²⁵ Иванова Ю.В. Институт гостеприимства у горских народов Балканского полуострова и Кавказа // *Балканские исследования. Проблемы истории и культуры*. М., 1976. С. 231–237.

²⁶ Классическая буддийская философия. М., 1999. С. 101.

²⁷ Лунь юй. Беседы и высказывания Конфуция // *Китайская философия*. Т. I. М., 1972. С. 167.

²⁸ Бгажноков Б.Х. Общение глазами этнографа // *Вестник АН СССР*. № 6. 1986.

²⁹ См.: *Бгажноков Б.Х.* Культ пищи и пищевой аниматизм // *Этнограф. обозрение*. 2001. № 2. С. 103–112.

³⁰ См.: *Benedict R.* Synergy: patterns of the good culture // *American anthropologist*. 1970. V. 72; *Maslow A.H.* The Father reaches of human nature. N.Y., 1971.

³¹ Фромм Э. Указ. соч. С. 381.

³² Губогло М. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? М., 2000. С. 54–55.

В. Н. В g a z h n o k o v . The Culture of Empathy

Empathic approach to the problems of ethnic development is the object of the article. A new concept of «the culture of empathy» (as a system of values, norms, and institutions of behavior and thinking, sensitive to, and vicariously experiencing the feelings, thoughts, and experience of another) is introduced. The author argues that humanistic ethnology should take into consideration this empathic cultural layer. The congruence of mutual relationships between the culture of empathy and social organization is understood by the author as foundational.